

УДК 821.161.1

DOI 10.25688/2076-913X.2019.35.3.03

С.Б. Калашников

«Воображаемый разговор с Александром I» и формирование метасюжета «поэт vs царь» в творчестве А.С. Пушкина 1824–1826 гг.

В статье рассматривается смысловая связь чернового наброска «Воображаемый разговор с Александром I» с инвариантными схемами пушкинского метасюжета «поэт vs царь», которые вырабатываются в период михайловской ссылки. Данная оценочная парадигма моделирует поведение поэта при заочной и личной встрече с государем, а также определяет логику построения сюжетов произведений 1830-х гг.

Ключевые слова: метасюжет; поэт; царь; поэзия; власть.

Михайловское «затворничество» Пушкина считается чрезвычайно значимым в творческой эволюции поэта. Оно не только определило статус Пушкина и его социальную роль, но и качественно изменило его отношение к собственному творчеству и поэтическому дару. Период колоссальной внутренней работы не был лишен противоречий и сомнений, однако отличался последовательностью *поэтического* поведения, в том числе и по отношению к официальной власти (здесь и далее курсив наш. — С. К.). Модели этого поведения вырабатываются под влиянием собственной *художественной практики*, в частности в результате формирования в этот период метасюжета «поэт vs царь». Он порождает большое количество вариаций, реализованных как в художественных произведениях поэта, так и в незаконченных набросках и даже эмпирической биографии.

Для некоторых ученых последовательное отношение к официальной власти Пушкина в этот период является оспоримым: с одной стороны, Пушкин в письмах к друзьям заявляет о своей близости к декабристам, а с другой — делает попытку «дистанцироваться от заговорщиков в глазах правительства» [13, с. 204]. Часто эта двойственность поведения поэта не только проецируется на его сложные отношения с Николаем Павловичем, но и отражается на оценке Пушкиным предшествующего царствования и личности императора Александра I.

Впервые эта рефлексия появляется в «Воображаемом разговоре с Александром I» (далее — «Разговор»), черновой набросок которого датируется декабрем 1824-го – февралем 1825 г. и находится в рукописной тетради Пушкина сразу после первой сцены «Бориса Годунова». Исследователи данного

текста единодушно сходятся во мнении, что «важный для биографии Пушкина документ» [2, с. 117] стал «вершиной в цепи насмешек над государем» [11, с. 747]. Следует согласиться с утверждением о том, что «в своем наброске Пушкин высказал не случайные, вызванные минутным настроением, мысли, а сложившиеся взгляды» [15, с. 307]. Не вызывает сомнений и то, что «Разговор» связан с событиями сентября 1826 г., когда Николай Павлович беседовал с вызванным срочным порядком в Москву Пушкиным. Тем не менее до сих пор художественный смысл «Разговора», цели его написания, а также факт «чудесного» освобождения Пушкина из Михайловской ссылки Николаем I являются спорными и вызывают противоречивые оценки.

С.М. Бонди, давший основательный текстологический комментарий данного текста, убежден в том, что «"Разговор" предназначался для друзей Пушкина... Целью его было, возможно, с одной стороны, показать несправедливость и бесцельную жестокость царя в обращении с ним, а с другой — разъяснить ложность обвинений против него» [3, с. 137]. Однако фактического подтверждения тому, что текст предназначался для друзей Пушкина, до сих пор не обнаружено: «у нас нет... оснований полагать, что с "Воображаемым разговором" был знаком кто-то из друзей Пушкина» [5, с. 174].

Другую интерпретацию последнего абзаца «Разговора...» предлагает М.Г. Альтшуллер: «Концовка "Воображаемого разговора" звучит саркастически: правительство как будто заботится о развитии дарования поэта, подбирая ему новые темы и новые гонения» [2, с. 122–123]. Исследователя в большей степени интересует не внутренняя логика рассматриваемого фрагмента, а доказательство предположения о том, что Пушкин действительно намеревался написать героическую поэму «Ермак» о покорении Сибири и, возможно, заслужить ею прощение у официальной власти. Однако содержание текста и самой ситуации разговора царя с поэтом вряд ли могут быть сведены лишь к такому истолкованию последнего фрагмента. Смысловой акцент наброска, особенно с учетом характера работы поэта над его редакциями (и здесь мы соглашаемся с Д.П. Ивинским), связан скорее с мотивом прощения или непростения государем опального автора оды «Вольность»: «... в сознании Пушкина шла борьба между стремлением объясниться с воображаемым Александром I и осознанием невозможности добиться взаимопонимания в ходе такого объяснения. При этом резкое изменение хода разговора о "Вольности" точно соответствует не менее резкому изменению *всего первоначального замысла* "Воображаемого разговора", который первоначально заканчивался прощением опального поэта, а в окончательной редакции... это прощение было заменено ссылкой в Сибирь» [5, с. 169].

В.А. Кошелев, отвергая прямолинейное истолкование, предложенное С.М. Бонди, интегрирует черновой набросок не только в литературное смысловое поле отношений с царем, но и в биографическое. С привлечением обширного фактического материала исследователь высказывает мысль о том, что отправка Пушкина в Крым сопровождалась неким обещанием со стороны

государя, исполнения которого по истечении двух оговоренных лет поэт так и не дождался: «Максимальный срок ссылки определялся в те “два года”, в течение которых Пушкин обещал Карамзину “ничего не писать противу правительства”» [9, с. 34]. При таком истолковании неожиданного финала «Воображаемого разговора», по мнению ученого, «все встало бы на свои места и Пушкин получил бы моральное право писать “историю <...> Александру — пером Курбского”» [9, с. 35], т. е. нарушение царского слова снимало бы с самого поэта обязанность следовать обещанию быть лояльным к власти.

Отметим, что истолкование причин и целей написания «Разговора» существенно варьируется в зависимости от выбранной исследовательской парадигмы, однако при всех разночтениях для интерпретаторов значимой является его неожиданная концовка: ключевой фразой фрагмента становится обращение Александра I к Пушкину: «Признайтесь, вы всегда надеялись на мое великодушие» [1, т. 7, с. 345]. Парадоксальным образом почтительное и сдержанное до упоминания о возможной милости поведение Пушкина меняется после этой фразы на дерзкое и отнюдь не верноподданническое. В тот самый момент, когда может состояться великодушное прощение, поэт выбирает провокативную манеру поведения, резко контрастирующую с той, что демонстрировалась прежде (Бонди называет ее шуткой, Лотман — насмешкой, Альтшуллер — сарказмом). Неуместная в ситуации общения с властителем, она до сих пор так и не нашла сколько-нибудь убедительного объяснения, хотя внутренняя логика отрывка позволяет говорить о том, что именно этот неожиданный сюжетный поворот наделен в тексте повышенной степенью значимости.

Как нам представляется, одним из ключей к прочтению данного фрагмента может стать его рассмотрение в двойном литературном контексте. Во-первых, это помещение «Разговора» в смысловое поле всей группы предшествующих пушкинских произведений, посвященных Александру I. Этот аспект проблемы рассмотрен в работе О.В. Лысиковой [12] и сводится к жесткой оценке Пушкиным правления Александра I, ставшей известной из донесения тайного агента С.И. Висковатова в феврале 1826 г.: «По получении горестнейшего для всей России известия о кончине государя императора Александра Павловича, он, Пушкин, изрыгнул следующие адские слова: “Наконец не стало Тирана! Да и оставший род его недолго в живых останется!”» [12, с. 16]. Суровый, хотя и сдержанный вердикт покойному императору в то же самое время Пушкин выносит и в письме к А. Дельвигу: «Гонимый шесть лет сряду, замаранный по службе выключкою, сосланный в глухую деревню за две строчки перехваченного письма, я, конечно, не мог доброжелательствовать покойному царю, хотя и отдавал полную справедливость истинным его достоинствам...» [12, с. 17]. Логика пушкинских инвектив в адрес государя предельно ясна: Александр Павлович воспринимается тираном, т. е. властителем, незаконно узурпировавшим власть вследствие участия в заговоре против отца и нарушившим цар-

ское слово о двухгодичном сроке ссылки поэта на юг. В системе смысловых соответствий, которая вырабатывается у Пушкина в произведениях периода Михайловской ссылки (и прежде всего в «Борисе Годунове»), такой властитель именуется самозванцем.

Если говорить о втором смысловом контексте, в котором мы предлагаем рассматривать «Разговор» и в целом всю группу текстов, адресованных Александру I, то с ноября 1824-го по ноябрь 1825 г. в творчестве поэта настойчиво повторяется прежде не встречавшийся у него мотив встречи поэта с властителем. Более того, в центральном произведении этого периода, «Борисе Годунове», он приобретает отчетливые инвариантные конфигурации за счет разработки сразу трех вариативных схем: «истинный поэт + истинный государь», «истинный поэт vs самозванный государь», «самозванный поэт + самозванный государь» (см. об этом: [6]). Все три варианта сюжета демонстрируют разные модели поведения поэта при встрече с царем и находят впоследствии преломление как в произведениях, так и в биографии самого Пушкина.

Если одним из отличительных признаков истинного монарха в художественном мире Пушкина выступает проявление милости, а истинного поэта от поэта-льстеца отличает способность говорить царям правду, то наиболее интересным способом реализации данного метасюжета становятся «Воображаемый разговор с Александром I» и действительный разговор Пушкина с царем Николаем Павловичем, состоявшийся в сентябре 1826 г. При этом оба разговора и пушкинское поведение в них (в первом случае — воображаемое, во втором — реальное) показывают, что они являются частью единого художественного целого, в которое интегрированы как состоявшиеся, так и не состоявшиеся, а только потенциально возможные события жизни поэта. Иначе говоря, истолкование пушкинского поведения по отношению к официальной власти в этот период, а также текстов 1824–1826 гг. определяется инвариантной *художественной схемой* — метасюжетом о встрече поэта и государя.

Как отмечает В. Листов, во многих литературных и жизненных текстах Пушкина можно подозревать мысленные диалоги с монархами: «Так было вокруг отъезда в ссылку и возвращения из нее, по поводу дел об “Андрее Шенье”, “Гавриилиаде”, с самовольным путешествием на Кавказ, с поступлением на службу, просьбами об отставках, с последней дуэльной историей» [10, с. 47]. События реальной жизни поэта помещаются в воображаемый контекст и переосмысливаются по законам тех художественных схем, которые выработались в его литературной практике, «оказались предвиденными в мечтательных образах» [10, с. 49], а «созданное в воображении стало... фактом биографии» [10, с. 50]. Такой же вымышленный характер беседы царя и поэта приобретает «Разговор», вполне согласуясь с концепцией игрового начала в творческом методе Пушкина (см. об этом: [8]), что позволяет рассматривать набросок как «основу для игрового текста, соответствующего принятой в пушкинском

кругу модели светского остроумия» [5, с. 176]. Сама ситуация перевоплощения, обозначенная в первом же предложении фрагмента («Когда бы я был царь...»), является своеобразным «правдоподобием чувствований в предполагаемых обстоятельствах» [8, с. 31]. «Разговор» начинается шутливо, затем становится ироническим (об Инзове и — в подтексте — Воронцове), продолжается саркастически (о литературных вкусах и пристрастиях Воронцова), а заканчивается явной неуместностью дерзкого поведения поэта перед лицом государя, которое вступает в резкое противоречие с тональностью содержания предыдущей части фрагмента: «Но тут бы Пушкин разгорячился и наговорил мне много лишнего». Во всяком случае, характер изменений во второй черновой редакции свидетельствует о том, что сюжет «Разговора» сводится именно к тому, чтобы «самозванный» царь в конце не простил опального поэта даже при всем благожелательном отношении к нему. При таком прочтении отчетливо вырисовывается несколько иной, чем оправдание перед друзьями или написание поэмы «Ермак», смысл фрагмента: его цель — разоблачение Александра I как ложного царя через неспособность к проявлению милости и демонстративный отказ от служения ему. Таким образом, «Разговор» предвосхищает те схемы взаимодействия поэта и государя, которые получают детальную разработку и дифференциацию в «Борисе Годунове». Появление данного черного наброска в рукописи «Комедии о настоящей беде Московскому государству» оказывается вовсе не случайным, если учесть, что на уровне подтекста в трагедии осуществляется отождествление первого самозванца Бориса Годунова и нелегитимного царя Александра I [7, с. 14–15].

При всей кажущейся противоречивости отношения Пушкина к Александру I в нем отчетливо просматривается внутренняя *поэтическая* логика. Неприязнь поэта к государю носит не личный, а мировоззренческий характер: профетически одаренный поэт не может служить неистинному царю, поскольку его мессианская функция (см. об этом: [4, с. 244–255]) состоит в обличении «самовластительного Злодея» (о сближении образов Наполеона и Александра I в оде Пушкина «Вольность» см.: [7, с. 12]). Тем изумительней в этой оценочной парадигме выглядит неожиданное художественное решение Пушкина, предпринятое в стихотворении «19 октября 1825 года»: если в «Разговоре» «самозванный» государь не простил истинного поэта и тем самым доказал нелегитимность своей власти, то в лирическом стихотворении истинный поэт проявляет милость к тирану и отцеубийце и тем доказывает право на обладание божественной харизмой:

Он человек! им властвует мгновенье.

Он раб молвы, сомнений и страстей;

Простим ему неправое гоненье:

Он взял Париж, он основал лицей [1, т. 2, с. 105–107].

Примечательно, что всего через месяц, 19 ноября 1825 г., Александра I постигнет внезапная кончина, и эти строки станут последними, написанными

ми Пушкиным при жизни самодержца и адресованными ему. В произведениях поэта 1830-х гг. Александр I более не изображается как царь-самозванец, достойный противления поэта, — ни в «Медном Всаднике», ни в последнем, посвященном лицейской годовщине стихотворении «Была пора: наш праздник молодой...». В этой же оценочно-смысловой парадигме следует, на наш взгляд, рассматривать реальный разговор Пушкина с Николаем I, состоявшийся 8 сентября в Москве после официальной церемонии интронизации последнего. Возможно, смысл разговора Пушкина с Николаем Павловичем сводился для поэта к тому, чтобы выявить, является ли новый государь истинным или ложным. Отсюда возникает своеобразная аффектация поведения Пушкина накануне этой встречи: он видит себя поэтом-пророком, готовящимся обличить новоявленного царя и спровоцировать ссору, подобную той, которая состоялась между Пушкиным и Александром I в конце «Разговора». Чрезвычайно любопытным в данном контексте выглядит предположение Д.П. Ивинского о том, что первоначальная редакция «Разговора» создавалась Пушкиным еще при жизни Александра I, а вторая — после вступления на престол его брата Николая Павловича, «...в этом случае “Воображаемый разговор” с Александром I в каком-то смысле оказывается “разговором” с его преемником» [5, с. 184], а «”александровский контекст” допускает “переключение” в николаевский» [5, с. 194]. Однако результативность встречи 8 сентября 1826 г. оказалась — неожиданно для Пушкина — прямо противоположной той, которая разыгрывается в «Воображаемом разговоре»: поэт был великодушно помилован государем, что доказывает в художественной философии Пушкина легитимность власти нового царя.

Стихотворение «Стансы», написанное, вероятнее всего, под впечатлением от состоявшейся с Николаем Павловичем беседы, становится первым после освобождения из ссылки текстом, в котором поэт-пророк осуществляет нравственную легитимацию власти нового монарха, начало правления которого было омрачено «мятежом и казнями», и на вербальном уровне уподобляет его Петру Великому, а на подтекстовом противопоставляет предыдущему государю Александру I [2, с. 27–35]. Вторично законность власти нового царя подтверждается в стихотворении «Друзьям». В этом тексте появляется еще одна, четвертая, вариативная схема метасюжета «поэт vs царь»: истинный царь противопоставляется поэту-льстецу (поэту-самозванцу). Если быть точным, то в данном произведении реализуется сразу две вариации этого метасюжета. Первая часть стихотворения (пять строф) посвящена отношениям истинного царя и истинного поэта. Именно в ней лирический герой Пушкина публично признает легитимность власти нового самодержца Николая Павловича:

О нет, хоть юность в нем кипит,
Но не жесток в нем дух державный:
Тому, кого карает явно,
Он втайне милости творит [1, т. 2, с. 195].

Здесь на уровне подтекста ныне царствующий государь противопоставляется прежнему — Александру Павловичу: если предыдущий самодержец дважды отправил поэта в ссылку и не помиловал его, что подтверждает его неистинный статус, то нынешний, напротив, проявил милость и снискал к себе любовь и уважение поэта — именно как *истинный* царь:

Текла в изгнанье жизнь моя,
Влачил я с милыми разлуку,
Но он мне царственную руку
Простер — и с вами снова я [1, т. 2, с. 195].

Этой модели отношений противопоставляется схема «истинный царь vs поэт-льстец» (обратная аналогия к сцене в доме Вишневецкого, где некий безымянный поэт вручает Григорию Отрепьеву «латинские стихи»), в подтексте намечившая реализацию еще одного пушкинского инварианта — «истинный поэт vs поэт-самозванец». Разрушение модели сакрального единства поэзии и власти связано с приближением к престолу поэта-льстеца, который свой самозванный статус переносит на имидж государя и дискредитирует его:

Нет, братья, льстец лукав:
Он горе на царя накличет,
Он из его державных прав
Одну лишь милость ограничит [1, т. 2, с. 196].

Чрезвычайно важным оказывается упоминание о милости как свойстве истинного государя: отсутствие способности прощать уподобляет царя самозванцу. Поэт-льстец, таким образом, девальвирует облик праведного монарха, лишая его власть ореола святости.

Эти свойства — великодушие и милосердие — еще будут приписываться Николаю I в 1830 г. (стихотворение «Герой»), но в дневнике 1834 г. окажутся сведены почти на нет. Рефлексия над поведением Николая I как государя — истинного или самозванного — продолжится при составлении заметок для «Истории моего времени» (см. об этом: [14, с. 297–318]) и найдет логическое завершение в предсмертных словах поэта: «Жаль, что умираю, весь его бы был»¹.

Таким образом, «Воображаемый разговор с Александром I» становится первым текстом в ряду произведений середины и второй половины 1820-х гг. («Борис Годунов», «Стансы», «Друзьям»), намечивших контуры той художественной парадигмы пушкинского отношения к власти, внутри которой подвергаются оценке правление предыдущего государя Александра Павловича и царствование нового самодержца Николая I, а метасюжет «поэт vs царь» станет мощным источником моделирования художественных смыслов в последующих произведениях поэта: поэме «Анджело», «Сказке о золотом петушке», повести «Капитанская дочка».

¹ Сайтанов В.А. Прощание с царем. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v20/v20-036-.htm> (дата обращения: 25.05.2019).

Библиографический список*Источники*

1. Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. М.: Гослитиздат, 1959–1962.

Литература

2. Альтишуллер М.Г. Между двух царей: Пушкин в 1824–1836 гг. СПб.: Академич. проект, 2003. 354 с.
3. Бонди С.М. Черновики Пушкина. Статьи 1930–1970 гг. М.: Просвещение, 1978. 231 с.
4. Гаспаров Б.М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб.: Академич. проект, 1999. 400 с.
5. Ивинский Д.П. Пушкин и его время. М.: Р. Валент, 2019. 320 с.
6. Калашников С.Б. Метасюжет «поэт vs государь» в «Борисе Годунове» А.С. Пушкина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер.: Филологические науки. 2012. № 2. С. 126–129.
7. Калашников С.Б. Модель тождества двух самозванцев: Наполеон и Александр I в творчестве А.С. Пушкина // Пушкинские чтения — 2017. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: материалы XXII Междунар. науч. конф. СПб.: ЛГУ, 2017. С. 9–23.
8. Колбасин В.Н. Игровое начало в творческом методе А.С. Пушкина // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2014. № 4 (16). С. 28–34.
9. Кошелев В.А. «Признайтесь, вы всегда надеялись на мое великодушие» (к проблеме: Пушкин и Александр I) // Известия РАН. Сер. литературы и языка. М.: Наука, 1996. Т. 55. № 6. С. 31–35.
10. Листов В.С. Пушкин: жизнь в воображении // Пушкинский сборник. М.: Три квадрата, 2005. С. 11–59.
11. Лотман Ю.М. Пушкин: Биограф. писателя; Статьи и заметки, 1960–1990. СПб.: Искусство-СПб, 1995. 845 с.
12. Лыскова О.В. Взаимоотношения поэта и императора: Александр Пушкин и Александр I // Историческая психология государственного управления. 2014. № 1. С. 5–22.
13. Немировский И.В. Творчество Пушкина и проблема публичного поведения поэта. СПб.: Гиперион, 2003. 352 с.
14. Фейнберг И.Л. Незавершенные работы Пушкина. М.: Худ. лит., 1979. 366 с.

Справочные и информационные издания

15. Муравьева О.С. Воображаемый разговор с Александром I // Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 1. А–Д. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 307–309.

References*Istochniki*

1. Pushkin A.S. Sobr. soch.: v 10 t. M.: Goslitizdat, 1959–1962.

Literatura

2. Al'tshuller M.G. Mezhdvu dvvux carej: Pushkin v 1824–1836 gg. SPb.: Akademich. proekt, 2003. 354 s.

3. Bondi S.M. Chernoviki Pushkina. Stat'i 1930–1970 gg. M.: Prosveshhenie, 1978. 231 s.
4. Gasparov B.M. Poe'ticheskiy yazy'k Pushkina kak fakt istorii russkogo literaturnogo yazy'ka. SPb.: Akademich. proekt, 1999. 400 s.
5. Ivinskij D.P. Pushkin i ego vremya. M.: R.Valent, 2019. 320 s.
6. Kalashnikov S.B. Metasyuzhet «poe't vs gosudar'» v «Borise Godunove» A.S. Pushkina // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Ser.: Filologicheskie nauki. 2012. № 2. S. 126–129.
7. Kalashnikov S.B. Model' tozhdestva dvux samozvancev: Napoleon i Aleksandr I v tvorchestve A.S. Pushkina // Pushkinskie chteniya — 2017. Xudozhestvenny'e strategii klassicheskoy i novoy slovesnosti: zhanr, avtor, tekst: materialy' XXII Mezhdunar. nauch. konf. SPb.: LGU, 2017. S. 9–23.
8. Kolbasin V.N. Igrovoe nachalo v tvorcheskom metode A.S. Pushkina // Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie. 2014. № 4 (16). S. 28–34.
9. Koshelev V.A. «Priznajtes', vy' vseгда nadeyalis' na moe velikodushie» (k probleme: Pushkin i Aleksandr I) // Izvestiya RAN. Ser. literatury' i yazy'ka. M.: Nauka, 1996. T. 55. № 6. S. 31–35.
10. Listov V.S. Pushkin: zhizn' v voobrazhenii // Pushkinskiy sbornik. M.: Tri kvadrata, 2005. S. 11–59.
11. Lotman Yu.M. Pushkin: Biogr. pisatelya; Stat'i i zametki, 1960–1990. SPb.: Iskusstvo-SPb, 1995. 845 s.
12. Ly'sikova O.V. Vzaimootnosheniya poe'ta i imperatora: Aleksandr Pushkin i Aleksandr I // Istoricheskaya psixologiya gosudarstvennogo upravleniya. 2014. № 1. S. 5–22.
13. Nemirovskij I.V. Tvorchestvo Pushkina i problema publichnogo povedeniya poe'ta. SPb.: Giperion, 2003. 352 s.
14. Fejnberg I.L. Nezavershenny'e raboty' Pushkina. M.: Xud. lit., 1979. 366 s.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

15. Murav'eva O.S. Voobrazhaemy'j razgovor s Aleksandrom I // Pushkinskaya e'nciklopediya: Proizvedeniya. Vy'p. 1. A–D. SPb.: Nestor-Istoriya, 2009. S. 307–309.

S.B. Kalashnikov

«The Imaginary Conversation with Alexander I» and Formation of a Metaplot «Poet vs Tsar» in A.S. Pushkin's Works of 1824–1826

The article regards the connection of a draft sketch «The imaginary conversation with Alexander I» with invariant schemes within Pushkin's metaplot «poet vs tsar». The latter are developed during the period of the exile in Mixailovskoye. Such evaluation paradigm designs the poet's behavioral patterns while distant and personal communication with the monarch as well as determines the logic of plots in his 1830s works.

Keywords: metaplot; poet; tsar; poetry; power.